

**Диалектика и деконструкция как рабочие платформы радикальной теологии.**

**Научный руководитель – Фатенков Алексей Николаевич**

*Скородумов Дмитрий Анатольевич*

*Аспирант*

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний  
Новгород, Россия

*E-mail: daskorod@gmail.com*

Радикальной называют ту теологию, которая, в той или иной мере отталкиваясь от провозглашения Ф. Ницше, пытается помыслить Бога после его смерти, которая пытается ответить на вопрос, что значит «смерть Бога». [4,1]. Хотя истоки этого мышления можно обнаружить в работах Г. Гегеля и Ф. Ницше, расцвет его приходится на вторую половину 20-ого века. Детальное изучение текстов представителей радикальной теологии приводит к пониманию того, что в качестве платформы, на которой происходит продумывание теологического содержания, выступает, как правило, или диалектика, или деконструкция. Философия становится оством теологического опыта: можно провести аналогию с программированием - философия становится программной платформой (framework) определяющей структуру программы, над которой работает инженер, облегчающей, но и ограничивающей разработку определённой формой.

К первой, диалектической линии можно отнести Г.Гегеля, К. Барта, Д. Бонхоффера, Т. Альтицера, В. Гамильтона, Х. Кокса, С. Жижека; ко второй - Ж. Деррида, М. С. Тэйлора, Дж. Капуто, Дж. Ваттимо, К. Харта. Хотя каждый из этих мыслителей уникален, и подогнать под какую-то классификацию можно только абстракцию рассудка, а не живую противоречивую вещь, однако, в работах представителей этих двух крыльев радикальной теологии прослеживаются яркие различия - это происходит от разных онтологических ставок - на *негативность* (конечность) в диалектике и на *игру* в деконструкции.

Основа диалектической радикальной теологии - это философия Г. Гегеля, который рассматривает процесс кенозиса Бога, его умаление, самоопустошение и смерть, позитивно, как необходимое звено процесса самовыражения Бога. Бог становится жалким куском плоти - воплощается в обычном человеке и, будучи истинным человеком, обладающим всем человеческим, в том числе и смертью, он умирает. В «Феноменологии духа» Гегель пишет: «бытие духа есть кость» [1, 185]. Кажется, каким образом столь величественный субъект, как мировой Дух может оказаться костью? Жалким осколком застывшего вещества, валяющегося на дороге и отданного на поругание собакам? Как предлагает трактовать это С. Жижек, эта фраза, вместо умаления, напротив, должна подтверждать величие Духа - он настолько велик и всеобъемлющ, что может воплотиться в последней вещи и несколько от этого не пострадать. То есть, самые последние вещи, те вещи, которые нам кажутся ненужными, лишними, становятся воплощением мирового духа, они по крайней мере оказываются ничем не хуже, чем вещи престижные, которые почитаются рассудком за эталон качества и являются объектом всеобщего желания. С другой стороны, эта кенотическая идея воплощения, инкарнации Бога в человеке (христианство) и Абсолюта в вещном мире, дезавуирует представление о Боге как тайне. Так как тайна - это состояние «в-себе», состояние невыраженной чистоты, незамутненной самовыражением в какой-либо конкретной форме. Тайна - это что-то неясное для рассудка, что-то оставляющее ощущение величественного и непостижимого, но невыраженное в ясной и отчётливой форме представления. Тайна - это Бог в-себе. Диалектически раскрытый и снятый Бог перестаёт

являться такой тайной. Так как он опустошает себя и является в виде слова откровения, открыто высказанного в истории.

Деконструкция же - это стремление к чему-то невообразимому, невозможному, загадочному, манящему - именно так её определяет Дж. Капуто [3]. «Другое» деконструкции, её грядущее, в отличие от синтеза - завершающего шага диалектики - оказывается невербализуемым, всегда грядущим и недостижимым, существующим в виде ожидания и тайны. В то время как положения диалектики крепко накрепко повязаны на языке, в котором и выражается диалектическая истина, вне которого она не существует, как это подчёркивает Ж. Ипполит в своих комментариях на Гегеля [2,34], как это пишет и сам Г.Гегель, споря по этому поводу с ранним Ф. Шеллингом, утверждавшим существование некой *невыразимой* реальности.

В этом и заключается коренное отличие диалектики - ориентированной на конечность (человека, языка, мира и Абсолюта) на то, что сам Дух, если он есть - должен быть выражен в конечно-исторической несовершенной и патологической (в терминах И. Канта) форме. Отсюда диалектическое приятие всех отброшенных, грязных, сырых и убогих (в философском и социальном смысле) внимание к нелицеприятному, в котором, согласно логике *конечности и негативности*, и выражается Дух. Именно в этом смысле можно трактовать слова Гегеля о том, что Дух есть кость, - Дух настолько велик, что может себе позволить быть выраженным полностью в такой незначительной вещи как какая-то ничёменная косточка. Деконструкция же более идеалистична - это жажда невозможного идеала, встреча с которым, в конечном счёте, сама оказывается невозможной, наполняя таким образом деконструкцию постоянными оговорками, отступлениями и самокомментированием. В игре взаимоперетекающих друг в друга означающих, в разрушении и реконструировании интеллектуальных построений должна произойти (происходит) встреча с невозможным, которого деконструкция чаёт, горением и жаждой которого она наполняется.

### Источники и литература

- 1) Гегель Г. Феноменология духа. Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 443 с.
- 2) Ипполит Ж. Логика и существование. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2006. – 319 с.
- 3) Caputo J. D. Deconstruction in a nutshell. A Conversation with Jacques Derrida. New York: Fordham University Press, 1997. – 215 p.
- 4) Moody, Katharine Sarah. Radical theology and emerging Christianity : deconstruction, materialism and religious practices. Ashgate, 2015. – 271 p.